

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-42-52

В.В. ДомашневаМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Характерология С.Г. Козлова: цикл сказок о Ежике и Медвежонке

Аннотация. Целью данной статьи является исследование типологии характеров в цикле сказок о Ежике и Медвежонке С.Г. Козлова, аспекта особенно актуального в контексте изучения жанра философской сказки. В произведении, направленном на бытийную проблематику, изображение процесса взаимодействия героев обретает дидактическую и сюжетообразующую функции, что делает необходимым выявление как определенных мировоззренческих установок героев, так и типов их выразителей. Обращение к идее эмоционально-ценностных ориентаций позволяет охарактеризовать основной для цикла С.Г. Козлова тип мировоззрения и обозначить возможности его трансформации через определение доминирующих категорий в системах ценностей главных героев. Анализ художественного образа раскрывает Ежика как философа-созерцателя, ориентирующегося на категорию «красоты». Установка на наблюдение и размышление направлена на запечатление мгновения с целью постижения истинной сущности прекрасного в отвлечении от конкретной материальной оболочки; в этом отношении изменчивость окружающего мира утверждает его эстетическую значимость и гармоничность, способствует приближению к идеалу. Медвежонок представляет собой тип философа-деятеля, в большей степени обращающийся к категории «дружбы». Особый интерес к вопросам взаимоотношений наделяет героя высоким уровнем эмпатии, проявляющимся в его способностях к выявлению духовного потенциала окружающих и созданию условий для его реализации. Сопоставление двух характеров приводит к выводу о сосуществовании нескольких мировоззренческих подсистем в сказочном цикле С.Г. Козлова, объединенных ориентацией на философское осмысление мира и формирующихся в зависимости от выбора доминирующей ценностной категории и отношения к активной деятельности как способу познания.

Ключевые слова: философская сказка, русская детская литература, русская литература XX века, С.Г. Козлов, система персонажей

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Домашнева В.В. Характерология С.Г. Козлова: цикл сказок о Ежике и Медвежонке // Литература в школе. 2023. № 1. С. 42–52.
DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-42-52

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-42-52

V.V. Domashneva Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

S.G. Kozlov's characterology: A cycle of fairy tales about the Hedgehog and the Bear

Abstract. The purpose of this article is to study the typology of characters in S.G. Kozlov's cycle of philosophical fairy tales about the Hedgehog and the Bear. This aspect is especially acute in the context of studying the genre of a philosophical fairy tale. In the existentially-oriented book, the process of the characters' interaction acquires didactic and plot-forming functions, which makes it necessary to state both – the characters' certain worldview attitudes and the types of their voicers. Turning to the idea of emotional-value orientations allows to characterize the main type of worldview in S.G. Kozlov's works and to describe the possibilities of its transformation through identifying the dominant categories of the protagonists' value systems. The analysis of the artistic image reveals the Hedgehog as a philosopher-contemplator, focused on the category of "beauty". His attitude towards observing and reflecting is aimed at capturing a moment in order to comprehend the true essence of beauty in distraction from a specific material shell; in this regard, the variability of the surrounding world confirms its aesthetic significance and harmony, helps the ideal forward. The Bear is a philosopher-doer, who mostly refers to the category of "friendship". A special interest in relationship gives the protagonist a high level of empathy, manifested in his ability to identify the spiritual potential of others and create conditions for its realization. Comparison of the two characters leads to the conclusion about the coexistence of several worldview subsystems in S.G. Kozlov's fairy tale cycle, which are united by an orientation towards a philosophical understanding of the world and formed depending on the choice of the dominant value category and the attitude to vigorous activity as a way of cognition.

Key words: a philosophical fairy tale, Russian literature for children, the 20th century Russian literature, S.G. Kozlov, system of characters.

CITATION: Domashneva V.V. S.G. Kozlov's characterology: A cycle of fairy tales about the Hedgehog and the Bear. *Literature at School*. 2023. No. 1. Pp. 42–52. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-42-52

Философская сказка – это одна из разновидностей жанра литературной сказки. Она отличается особым типом дидактизма, так как на ее примере читатель не только постигает некоторые законы повседневной жизни, но и учится размышлять о проблемах бытия, раскрываемых автором через синтез фантастического и реалистического [11, с. 178]. Как правило, разобраться в философских вопросах ребенку помогает сама система персонажей такой сказки. В связи с ориентацией данного жанра на бытийную проблематику, принципиально важным для характеристики героя становится исследование того, каким способом он реагирует на мир и представляет свое место в нем, ориентируясь на некую иерархическую систему ценностей, и выявление доминирующей категории в этой системе [5, с. 11].

Каждый герой философской сказки является воплощением определенного комплекса идей и ценностей¹, и их взаимодействие друг с другом становится сюжетной и смысловой основой всего произведения, направленного на осмысление духовного феномена через представление разных точек зрения на проблему. При буквальной же интерпретации образов читатель сталкивается с практически непостижимой, абсурдной логикой художественного мира [13, с. 14]. Таким образом, изучение типологии характеров является важнейшим шагом в исследовании как философской сказки в целом, так и конкретных произведений этого жанра,

¹ Подобная персонификация также соответствует особенностям психологии адресата, в большей степени ориентированного на наглядно-образное, чем логическое представление идей [См.: 12, с. 440].

например, цикла о Ежике и Медвежонке (1960-е – 1980-е гг.) С.Г. Козлова, одного из самых значительных и ярких детских писателей второй половины XX в.

Наибольший интерес исследователей вызывает его произведение «Ежик в тумане», получившее известность благодаря одноименному мультипликационному фильму² (1975) Ю.Б. Норштейна, в то время как работы, посвященные изучению всего цикла, практически³ отсутствуют. В результате проблема характерологии С.Г. Козлова остается на периферии исследований, несмотря на ее значимость для творчества писателя, представившего образы героев, сопоставимые с типами характеров реципиентов, и обратившего особое внимание на глубинный потенциал ребенка как философа.

Направленность произведений С.Г. Козлова⁴ на раскрытие бытийной проблематики, поиск ответов на «вечные» вопросы о мироздании и человеке, исследование духовной, идеальной сферы бытия оказывает влияние на всю поэтику сказочного цикла, в том числе и на систему средств создания образов персонажей. Писатель практически отказывается от описания внешнего вида героев и освоенного ими пространства в стремлении вывести на первый план движение их мыслей и чувств. Даже редко упоминающиеся детали портрета и интерьера не представляют

² Обычно анализируется именно мультипликационный фильм [См.: 1; 4; 10; 14].

³ Исследование достаточно широкого круга произведений С.Г. Козлова представлено в ряде работ [3; 6; 13].

⁴ Здесь и далее произведения С.Г. Козлова цитируются по изданию: Козлов С.Г. Всё о Ежике, Медвежонке, Львенке и Черепахе: Сказки, стихотворения. СПб., 2005 [7].

художественный мир сказки достаточно подробно⁵ и в большей степени служат для обозначения переживаемого героями состояния. Например, в произведении «Не смотри на меня так, Ежик» указывается только то, что уставший больной Ежик глядел «тихими глазами» [8, с. 66] – в этом фрагменте герой изображается с точки зрения Медвежонка, для которого приоритетными оказываются не изменения во внешности Ежика, просидевшего неделю в яме без еды и теплой одежды, а душевное здоровье друга, пережившего страшный опыт тотального одиночества и беспомощности. Можно предположить, что подобная установка на лаконичность повествования объясняется универсальной применимостью бытийных законов ко всем объектам и явлениям окружающего мира вне зависимости от особенностей их материального воплощения. Кроме того, в данном случае маленький адресат начинает играть роль соавтора: писатель стремится активизировать интеллектуальные и творческие способности ребенка, предлагая ему самостоятельно сделать выводы о характере героев без опоры на авторскую оценку, выраженную в деталях портрета, интереса и т.д.

⁵ На протяжении цикла можно встретить упоминания, что у Ежика в доме есть кладовая (с. 58) и чулан (с. 24), помещение отапливается печью (с. 27, 52, 58), герой пользуется самоваром (с. 9), часами, столом (с. 92), креслом (с. 97), однако все эти объекты лишены детального описания и в совокупности способствуют моделированию обобщенного образа деревенского дома. Дома главных героев, согласно таким деталям, практически не отличаются друг от друга, что препятствует индивидуализации персонажей, но благодаря этому создается и общее для них «свое» пространство, уютное, спокойное и безопасное – подходящее для реализации духовного потенциала.

В связи с этим большая часть текстов многих сказок С.Г. Козлова («Австралийская пегая», «В гостях у Собаки», «Великий китайский поэт», «В холодном небе», «Горький дым» и др.) посвящается описанию мыслей и чувств персонажей (часто в форме монолога или диалога). Как правило, речь персонажей этого цикла не индивидуализирована, но эмоциональна и интонационно богата: имитация разговорного стиля, например, через употребление явно экспрессивных конструкций, таких как «Еще бы!», «Да говори же!», «Ну, чего кричишь?» (с. 27, 65, 95), коротких (иногда неполных) предложений, обусловленное установкой на их восприятие в определенных условиях и, следовательно, понимание смысла сказанного через обращение к дополнительным источникам информации (в этом отношении показателен следующий отрывок: «– А если б упали? – Держись! – крикнул Медвежонок и покатился в овраг» (с. 37): суть вопроса Ежика полностью раскрывается в контексте предыдущих действий персонажей (в сумерках бежали через поле), а восклицание Медвежонка становится понятным адресату только после авторского комментария), позволяет создать ситуацию непринужденного общения с героями, ввести читателя в их быденное пространство и раскрыть значимость «вечных» вопросов для их повседневной жизни во всем ее многообразии, продемонстрировать возможность непосредственного восприятия и осмысления законов бытия.

Отдельно стоит отметить, что авторская речь, оформляющая реплики действующих лиц, отличается особой краткостью и простотой. Так, наиболее часто встречаются два

глагола: «сказал» и «спросил», употребляемые вне зависимости от эмоционально-смысловых характеристик речи персонажей (например, в сказке «Солнце»: «– Это мой друг Ежик, – сказал Медвежонок. – Знаю, – сказала Солнце. – Как неожиданно вы появились, – сказал Ежик...» (с. 176). Существование некоторых исключений⁶ подтверждает сознательность подобной установки на лаконичность, позволяющей избежать прямой авторской оценки и предоставляющей адресату возможность самостоятельного суждения на основе анализа высказываний персонажей, достаточно простых для его понимания на этом уровне владения родным языком. Из этого следует, что при исследовании характерологии С.Г. Козлова особое внимание необходимо обратить именно на представленные героями идеи и поведение, мотивированное особенностями принятой ими системы ценностей.

Главным героем и выразителем мировоззрения, по законам которого существует художественный мир сказок С.Г. Козлова, является Ежик, представляющий тип философа-созерцателя, в большей степени сосредоточенного на осмыслении бытийной проблематики и рефлексии, часто не допускающих постороннего вмешательства (например, реакция героя на нежеланное вторжение в процесс размышления иногда представляется поведенческой деталью – он «ворчит» (с. 23, 24) в ответ на предложение о прогулке («Великий китайский поэт», с. 21–23), неуместные нетерпеливые вопросы («Весенняя сказка», с. 23–25).

⁶ Например, в сказке «В сумерках» герои могут «кричать» и даже «вопить» (с. 37).

Любимое занятие Ежика – наблюдение за окружающим миром во всем его разнообразии, текучести и изменчивости; внимания и восхищения заслуживают даже обыденные и давно знакомые ему объекты, например, река («Ты лети! Я машу крыльями», с. 185–186) и лес («Ежики на гора», с. 59–61).

О такой установке на приоритетность созерцательной деятельности свидетельствует и готовность отказаться от совместного времяпрепровождения с другими героями ради возможности запечатлеть в памяти какое-либо природное явление: так, он не участвует в общем веселье, чтобы сохранить силы и, дождавшись утра, встретить рассвет («Как Ежик ходил встречать рассвет», с. 90–91).

Такой интерес к природе⁷ вызван тем, что главной ценностью, лежащей в основе мировосприятия героя, является красота. Это раскрывается в сказке «В сумерках», в которой Ежик прилагает все усилия, чтобы показать Медвежонку нечто по-настоящему прекрасное. Однако герой не удовлетворяется созерцанием конкретных проявлений красоты в мире вещественном, он стремится постичь саму идею прекрасного, отвлеченную от материальной оболочки, поймать ее мимолетную, ускользающую сущность. Автор, ориентируясь на достаточно подвижное детское сознание, способность ребенка быстро переключать внимание с одного объекта на другой, с помощью игровой ситуации побуждает адресата при-

⁷ Исследователями отмечается особая чуткость Ежика по отношению к природе, благодаря которой тот принимает на себя роль хранителя ее особого статуса и, в этом аспекте, наставника для других героев. Подробнее см.: [3, с. 516–517].

смотреться к окружающему миру, зафиксировать взгляд на чем-то конкретном и тем самым постичь философскую и эстетическую ценность каждого мига, осознать его неповторимость, постижимую только в процессе непрерывного созерцания. Такая сосредоточенность на конкретном мгновении выполняет дидактическую функцию – заставляет героя ценить каждый миг существования, тщательно следить за изменчивостью мира. Так, суть любимой игры Ежика состоит в том, чтобы, смотря на определенный объект, периодически закрывать и вновь открывать глаза и сравнивать прошедший миг с настоящим («Когда ты прячешь солнце, мне грустно», с. 103–105): герой стремится постичь каждое мгновение и запомнить увиденное вплоть до мелочей, считая, что мир не может и не должен оставаться неизменным («Кто это все придумал?», с. 97–99). Это объясняется естественным несовершенством конкретных объектов, которые, в силу своей материальности, не могут в полной мере воплотить в себе все свойства прекрасного. Приблизиться к идеалу возможно только через восприятие всего разнообразия состояний природы, сопоставление их друг с другом, выделение отличительных черт каждого и собирание их в памяти – таким образом, именно изменчивость утверждает эстетическую значимость и гармоничность окружающего мира, все противоречивые явления которого воспринимаются как в равной степени необходимые и взаимосвязанные отражения единой категории красоты. Отдельно стоит отметить, что подобное отношение к изменчивости распространяется и на другие его идеи. Например, в сказке «Однажды в солнечный день»

Ежик, быстро и спонтанно меняющий решения, объясняет это качество не отсутствием собственного мнения, а правом на гибкость и свободу мышления. Созерцание позволяет герою раскрыть в себе и потенциал философа, побуждает его к размышлению о проблемах бытия: любясь красотой природы, он приходит к мысли о доброте и всемогуществе Сотворившего ее («Ежикина гора», с. 59–61, «Кто все это придумал?», с. 97–99), а наблюдение за жизненным циклом дерева раскрывает ему сущность смерти и бессмертия («Горький дым», с. 41–43).

Привычка созерцать влияет и на характер Ежика. Он – мечтатель, чьи фантазии воплощаются в реальном мире. Он настолько далек от житейских забот и близок к духовному миру, что способен заметить даже самое невероятное, невидимое для других героев, например, появление в лесу Слона («Слон», с. 152–154), образ которого очевидно отсылает к произведению И.А. Крылова «Любопытный»: поглощенный суетой, растрачивающий силы на сиюминутные заботы человек может не заметить что-то действительно важное, забыть о истинных ценностях и упустить шанс соприкоснуться с чудом. При этом юный возраст и оторванность от земного делают Ежика очень уязвимым перед некоторыми практическими трудностями (например, будучи сонным, перестает следить за огнем, из-за чего начинается пожар) («Доверчивый Ежик», с. 51–54). Автор не может оставить осмысление столь дидактически непростого аспекта без внимания, поэтому он не только представляет адресату последствия такого поведения на уровне сюжета, но и вводит

в систему персонажей героя, на примере которого демонстрирует возможности решения данной проблемы и значимость взаимодействия индивида с окружающими, способными поделить опытом: забота и поддержка Медвежонка помогают Ежику освоиться в реальном мире и найти свое место в обществе⁸, реализовать себя не только как мыслителя-проводника в мир природы, но и как открытую для общения личность, чей характер обусловлен и возрастными особенностями, как ребенка, любящего играть со своими друзьями («Кит», с. 102–103) и мечтающего сделать их счастливыми, даже пожертвовав собой («Снежный цветок», с. 154–157).

Итак, Ежик – это мечтательный и задумчивый созерцатель, постигающий тайны бытия и не забывающий при этом об окружающих, дарящий им свою любовь и помогающий прийти к гармонии. Именно этот образ, воплощающий в себе все основные идеи и ценности философской системы художественного мира сказок С.Г. Козлова, и становится основой, отправной точкой для создания характеров других персонажей цикла.

Одним из них является Медвежонок, который на первый взгляд кажется полной противоположностью Ежика. Это философ-деятель, в системе ценностей которого доминирующей категорией становится дружба. Медвежонок больше всех заботится о сохранении дружеских связей, поэтому именно он часто сталкивается с проблемами их истинности и зна-

⁸ Обращение к этой проблеме соответствует социализирующей функции сказки, направленной на утверждение ценности дружеских отношений и необходимости коллективной взаимопомощи [См.: 2, с. 175].

чимости. Герой не всегда может справиться со своей ролью миротворца (так, ему не удастся привести к гармонии отношения желающего тишины и покоя Ежика и шумного, слишком активного Зайца («Разрешите с вами пошумничать», с. 145–146); более того, иногда он сам провоцирует конфликт, например, когда отказывается приглашать Зайца в волшебную страну («Трям! Здравствуйте!», с. 371–404). Однако чаще всего Медвежонок стремится установить дружеские отношения с окружающими. Так, именно категория дружбы становится для него ключевой в решении проблемы идентификации: Медвежонок, придумывая имя для Зайца, понимает, что может охарактеризовать последнего и отличить его от остальных представителей его вида, только основываясь на установившемся между ними определенном типе духовной связи, в то время как все внешние физические признаки оказываются вторичными («Дружба» [8, с. 26–27]).

В произведениях С.Г. Козлова дружба является ценностью, противостоящей небытию. Ежик, познающий вселенную через категорию красоты, считает изменчивость естественным свойством окружающего мира и воспринимает себя в качестве лишь одного из многочисленных его элементов – эта установка позволяет ему допустить возможность собственного исчезновения из ткани реальности, не затрагивающего основ мироздания. Для Медвежонка, определяющего свое место в мире через дружеские отношения, сама постановка этой проблемы невозможна: существование индивида утверждается через установление с ним духовной связи другим индивидом, нерушимой в своем постоянстве,

становящейся константой в мире изменчивости, что оспаривает вероятность перехода героя в небытие («Если меня совсем нет», с. 54–56).

Для Ежика Медвежонок – идеальный друг⁹. В первую очередь это связано с различиями их мировоззренческих установок и характеров: маленькому задумчивому Ежику нужно, чтобы рядом был тот, кто будет уравнивать его мечтательность своей силой, практичностью и жизненной приспособленностью. Медвежонок этому описанию полностью соответствует: он умеет ухаживать за больными («Не смотри на меня так, Ежик» [8, с. 66–69]) и заниматься физическим трудом («Грабители», «Пяточка», с. 46–47, 133–134), может применить грубую силу и дать отпор обидчику («Падал снежок. Была оттепель», с. 121–124), и иногда так глубоко погружается в дела и заботы, что временно утрачивает детскую способность мечтать («Слон», с. 152–154). Однако в данном случае существование дружеских отношений между героями обуславливается не столько притяжением противоположностей, сколько их глубинным духовным родством, о чем свидетельствует даже речевое поведение героев, «подхватывающих» (с. 27) друг за другом предложения.

Медвежонок так близок Ежику не только из-за того, что может гармонично компенсировать его недостатки своими достоинствами, но и благодаря общей для всех героев склонности к философскому осмыслению мира. Во-первых, об этом свидетельствует то, что Медвежонок

понимает и принимает практически все идеи и настроения Ежика – философа-созерцателя. Медвежонок всегда готов участвовать в предложенной им деятельности: вместе с Ежиком он сумерничает («Разрешите с вами посумерничать», с. 145–146), протирает звезды («Как Ежик с Медвежонок протирали звезды», с. 218–220), любит закатом («Ты только погляди», с. 187–188)]. Во-вторых, Медвежонок кажется настолько приземленным только на фоне абсолютно далекого от житейских забот Ежика. Он, действительно, обладает практичностью и смекалкой, но проявляет их только тогда, когда его более мечтательным друзьям требуется надежная опора. Будучи в одиночестве или в состоянии покоя, герой тоже стремится к постижению тайн бытия и уже сам привлекает к этому Ежика, открывая для него эстетический потенциал окружающего мира (Медвежонок первый предлагает собрать голые веточки, заметив их необычную красоту, которая никогда не увянет и будет радовать зимой («Красота» [9, с. 67–69]), и даже становясь проводником в иные измерения (придумывает страну Тилимилитрядию) («Трям! Здравствуйте!», с. 371–404).

Более того, через поступки Медвежонок, в соответствии с воспитательной функцией детской литературы, автор показывает необходимость развития эмпатии, отношения к другому как к личности, заслуживающей внимания и уважения: так, именно этот герой догадывается о причинах странного поведения Зайца, в то время как Ежик, в большей степени сосредоточенный на собственном внутреннем мире, не может правильно оценить творческие и интеллектуальные спо-

⁹ Некоторые исследователи рассматривают образ Медвежонок как персонафикацию «родной души» [6, с. 101].

собности друга: «Только Заяц никогда до такого не додумается» («Вольный осенний ветер», с. 200–201).

По этой причине Медвежонок внимательно прислушивается к желаниям окружающих, из-за чего постоянно оказывается в затруднительных ситуациях, связанных с исполнением поставленного другом условия. Например, следуя предложению Ежика озвучивать только самые важные мысли, Медвежонок продолжает хранить молчание, даже когда сам Ежик забывает об этом правиле («Ни слова», с. 113–114). Чрезвычайно серьезное отношение Медвежонка к этому условию представлено в юмористическом ключе, однако на примере обыденной для маленького читателя ситуации «нечестной» игры раскрывается нравственная проблематика, вопрос об ответственности индивида за его слова и поступки, о влиянии его поведения на окружающих, о возможности полноценных отношений носителей разных идейно-ценностных систем.

Итак, Медвежонок – герой, чьим девизом мог бы стать принцип «Ты лети! Я машу крыльями!» (с. 186). Он обладает настолько мощным духовным потенциалом, что оказывается способным не только к размышлению о «вечных» вопросах, но и к выявлению творческих способностей других и помощи в их реализации. С этой целью Медвежонок предпочитает не просто созерцать, а действовать, познавая мир на практике и обеспечивая другим героям комфортную обстановку для приобщения к тайнам вселенной. Обладая склонностью к философскому видению мира, он хорошо понимает Ежика, но не утрачивает собствен-

ную индивидуальность, что свидетельствует о высоком уровне психологизма произведений С.Г. Козлова, посвященных взаимодействию ярких личностей, связанных дружескими отношениями и общностью мировоззрения, но отстаивающих значимость собственных идей. В результате создается необходимый для философской сказки образ оппонента, носителя иной точки зрения – это философ-деятель, который, чувствуя ответственность за других героев, может покинуть мир фантазий, чтобы в реальности создать им условия для познания и творчества.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сказках о Ежике и Медвежонке сосуществуют несколько мировоззренческих подсистем. Их основой являются идейно-эстетические воззрения Ежика, система, ориентированная на созерцание и анализ, которая трансформируется в зависимости от выбора доминирующей ценностной категории и отношения к активной деятельности как к способу познания. Все герои сказок о Ежике и Медвежонке представляют собой разные типы философов. Общее стремление к идейно-ценностному осмыслению мира объясняет саму возможность дружбы и духовного родства между ними, а разница в мировоззрении задает философскую систему координат всего произведения, заставляет героев вступать в кратковременные конфликты, тем самым выполняя сюжетобразующую функцию, и позволяет автору продемонстрировать разные способы постижения бытия в рамках практически одной и той же системы ценностей.

Библиографический список

1. Асенин С.В. Мир мультфильма: идеи и образы мультипликации социалистических стран. М., 1986.
2. Богатырева Ж.В. Сказка как отражение духовных потребностей общества: традиции и трансформации в современном социальном пространстве // *Kant*. 2019. № 3 (32). С. 173–177.
3. Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ежике и Медвежонке // *Неофилология*. 2021. Т. 7. № 27. С. 512–521.
4. Злотникова Т.С., Горохова О.В. Отечественная анимация в модусе архетипа ребенка // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 1. № 2. С. 160–166.
5. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. М., 1996.
6. Коваленко М.М. Стиль Сергея Козлова: образный строй, жанр, контекст: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
7. Козлов С.Г. Всё о Ежике, Медвежонке, Львенке и Черепахе: Сказки, стихотворения. СПб., 2005.
8. Козлов С.Г. Ежик в тумане. Сказки. М., 2020.
9. Козлов С.Г. Трям! Здравствуйте! М., 2014.
10. Кривуля Н.Г. Лабиринты анимации. М., 2002.
11. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
12. Спиридонова Г.С. О психологизме детской литературы (на примере русской литературной сказки) // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2 (75). С. 438–441.
13. Тихомирова А.В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011.
14. Ямпольский М.Б. Палитра и объектив // *Искусство кино*. 1980. № 2. С. 94–104.

References

1. Asenin S.V. *Mir multfilma: idei i obrazy multiplikatsii sotsialisticheskikh stran* [World of cartoon: Socialist countries' ideas and images in animation]. Moscow, 1986.
2. Bogatyreva Zh.V. The tale as a reflection of the spiritual needs of the community: tradition and transformation in the modern social space. *Kant*. 2019. No. 3 (32). Pp. 173–177. (In Rus.)
3. Yelepova M.Yu., Kabanova N.G. Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales about the Hedgehog and the Bear. *Neophilology*. 2021. Vol. 7. No. 27. Pp. 512–521. (In Rus.)
4. Zlotnikova T.S., Gorokhova O.V. Native animation in the modus of child's archetype. *Observatory of Culture*. 2016. Vol. 1. No. 2. Pp. 160–166. (In Rus.)
5. Kasatkina T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo* [Characterology of Dostoyevsky]. Moscow, 1996.
6. Kovalenko M.M. *Stil Sergeya Kozlova: obraznyi stroi, zhanr, kontekst* [Sergey Kozlov's style: Figurative structure, genre, context]: PhD Diss. Moscow, 2017.
7. Kozlov S.G. *Vse o Ezhike, Medvezhonke, Lvenke i Cherepakhe: Skazki, stikhotvoreniya* [Everything about the Hedgehog, Bear, Lion and Turtle: Tales, poems]. St. Petersburg, 2005.
8. Kozlov S.G. *Ezhik v tumane. Skazki* [Hedgehog in the fog. Fairy tales]. Moscow, 2020.
9. Kozlov S.G. *Trjam! Zdravstvujte!* [Trjam! Hello!] Moscow, 2014.
10. Krivulya N.G. *Labirinty animatsii* [Animation mazes]. Moscow, 2002.
11. Ovchinnikova L.V. *Russkaja literaturnaja skazka XX veka (istorija, klassifikacija, pojetika)* [Russian literary tale of the XX century (history, classification, poetics)]: PhD Dr. Hab. Moscow, 2001.
12. Spiridonova G.S. About psychologism in children's literature (on the example of Russian literary tale). *World of Science, Culture and Education*. 2019. No. 2 (75). Pp. 438–441. (In Rus.)

13. Tikhomirova A.V. Zhanrovye osobennosti filosofskoi skazki v russkoi literature vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. [Genre features of a philosophical fairy tale in Russian literature of the second half of the XX – the early XXI century]: PhD Diss. Yaroslavl, 2011.
14. Yampolsky M.B. Palette and lens. *Isskustvo kino*. 1980. No. 2. Pp. 94–104. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 30.12.2022, принята к публикации 31.01.2023
The article was received on 30.12.2022, accepted for publication 31.01.2023

Сведения об авторе / About the author

Домашнева Вероника Валентиновна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Veronika V. Domashneva – PhD postgraduate student at the Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: dom.ver@mail.ru